
МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

№ I.

~~~~~  
ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.  
СТИХОТВОРЕНІЯ.

~~~~~  
Сцена изъ Трагедіи *Борисъ Годуновъ*.

1603 годъ.

Ночь. Келья въ Чудовъ Монастырь.

Отецъ Пимень , Григорій священн.

~~~~~
Пимень *лишетъ передъ лампадой:*

Еще одно , послѣднее сказанье , —
И льтопись окончена моя ;
Исполненъ долгъ завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ льшь
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ ,
И книжному искусству вразумилъ.
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдеть мой трудъ усердный , безымянный ,
Засвѣшитъ онъ , какъ я , свою лампаду , —
И пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ ,
Правдивыя сказанья перепишеть , —
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу ;
Своихъ царей великихъ поминають
За ихъ труды , за славу , за добро ; —
А за грѣхи , за темныя дѣянья
Спаешеля смиренно умоляютъ.

На старости я съизнова живу!
 Минувшее проходишь предо мною!
 Давноль оно неслось, событій полно,
 Волнуясь какъ море окіянь!
 Теперь оно безмолвно и спокойно. —
 Немного лицъ мнѣ память сохранила,
 Немного словъ доходишь до меня,
 А прочее погибло невозвратно. . . . .
 Но близокъ день, лампада догараешь —
 Еще одно, послѣднее сказанье — (*лишетъ*)

Григорій (*пробуждается.*)

Все потъ же сонъ! Возможноль, въ третій разъ!
 Проклятый сонъ! — А все передъ лампадой
 Старикъ сидишь да пишешь — и дремошой
 Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
 Какъ я люблю его спокойный видъ,
 Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
 Онъ льшопись свою ведешь. И часто
 Я угадать хошѣлъ, о чемъ онъ пишешь.
 О темномъ ли владычествѣ Татарь?
 О казняхъ ли свирѣлыхъ Иоанна?
 О бурномъ ли Новгородскомъ Вѣчъ?
 О славъ ли отечества? Напрасно —
 Ни на чель высокомъ, ни во взорахъ,
 Не льзя прочесть его сокрытыхъ думъ.
 Все потъ же видъ смиренный, величавый.
 Такъ точно Дьякъ, въ Приказахъ посѣдлый,
 Спокойно зришь на правыхъ и виновныхъ,
 Добру и злу внимая равнодушно,
 Не вѣдая ни жалосши, ни гнѣва.

П и м е н ь .

Проснулея братъ?

Г р и г о р и й.

Благослови меня,
Честный одеждъ!

П и м е н ь.

Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и во вѣки.

Г р и г о р и й.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
А мой покой бѣсовское мечшанье
Тревожило, и врагъ меня мушилъ.
Мнѣ снилося, что лѣстница крушая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ:
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ, —
И стыдно мнѣ и страшно становилось —
И падая спремглавъ я пробуждался . . .
И три раза мнѣ снился пошъ же сонъ!
Не чудно ли?

П и м е н ь.

Младая кровь играетъ.

Смирй себя молитвой и постомъ —
И сны твои видѣній легкихъ будущъ
Исполнены. Донынъ если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи, —
Мой старый сонъ не шихъ и не безгрѣшенъ.
Мнѣ чудятся по шумные пиры,
То ратный станъ, по схватки боевыя,
Безумныя пошъхи юныхъ лѣтъ.

Г Р И Г О Р І Й.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
 Ты воевадь подь башнями Казани,
 Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
 Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоанна!
 Счастливь, — а я отъ отроческихъ лѣтъ
 По келліамъ скишаюсь, бѣдный инокъ.
 За чѣмъ и мнѣ не тѣшишься въ бояхъ,
 Не пировать за царскою трапезой?
 Успѣлъ бы я, какъ ты, на спарость лѣтъ,
 Отъ суеты, отъ міра отложиться,
 Произнести монашескіа обѣтъ
 И въ тихую обитель зашвориться.

П и м е н ь.

Не съшуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
 Покинулъ ты, что мало искушеній
 Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ, —
 Насъ издали лѣняешь слава, роскошь
 И женская лукавая любовь.
 Я долго жилъ и многимъ наслаждался;
 Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
 Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
 Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
 Кто выше ихъ? Единный Богъ. Кто смѣешь
 Противу ихъ? Никто. И чтоже? часно
 Злашый вѣнецъ тяжель имъ становился:
 Они его мѣняли на кlobукъ.
 Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
 Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
 Его дворець, любимцевъ гордыхъ полный,
 Монастыря видъ новый принималъ.
 Кромѣшники въ шафьяхъ и власяницахъ

Послушными являлись чернецами,
 А грозный Царь игуменомъ смиреннымъ.
 Я видѣлъ здѣсь вопль въ этой самой кельи,
 (Въ ней жилъ тогда Кириллъ косноязычный,
 Мужъ праведный. Тогда ужъ и меня
 Сподобилъ Богъ уразумѣшь ничтожность
 Мірскихъ суешъ.) Здѣсь видѣлъ я Царя,
 Усталого отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
 Задумчивъ, шихъ сидѣлъ межъ нами Грозный, —
 Мы передъ нимъ недвижимо стояли, —
 И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
 Онъ говорилъ Игумену и братьи:
 „Отцы мои! желанный день придетъ, —
 „Предстану здѣсь алкающей спасенья.
 „Ты Никодимъ, ты Сергій, ты Кириллъ, —
 „Вы все, обещъ примите мой духовный!
 „Прииду къ вамъ, преступникъ окаянный,
 „И схимію честную восприму,
 „Къ стопамъ своимъ, святыи отецъ, припадши.“
 Такъ говорилъ Державный Государь,
 И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
 И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
 Да ниспослешъ Господь любовь и миръ
 Его душъ страдающей и бурной.
 А сынъ его Феодоръ? На престолъ
 Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
 Молчальника. Онъ царскіе чертоги
 Преобразилъ въ молитвенную келью.
 Тамъ тяжкія, державныя печали
 Святой души его не возмущали.
 Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
 И Русь при немъ во славу безмятежной

Утѣшилась. А въ часъ его кончины
 Свершилося неслыханное чудо :
 Къ его одру , Царю едину зримый ,
 Явился мужъ необычайно свѣшелъ ,
 И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
 И называшъ великимъ Патріархомъ .
 И всѣ кругомъ объяшы были страхомъ ,
 Угадумъвъ небесное видѣнье ,
 Зане Свяшый Владыко предъ Царемъ
 Во храминѣ тогда не находился .
 Когда же онъ преставился , палаты
 Исполнились свяшымъ благоуханьемъ ,
 И ликъ его , какъ солнце , просіялъ . —
 Ужь не видашь шакаго намъ Царя !
 О страшное , невиданное горе !
 Прогнѣвали мы Бога , согрѣшили :
 Владыкою себѣ царубійцу
 Мы нарекли .

Г Р И Г О Р І Й .

Давно , честный Отець ,
 Хотѣлось мнѣ тебя спросишь о смерти
 Димитрія Царевича . Въ то время
 Ты , говоряшь , былъ въ Угличѣ .

П И М Е Н Ъ .

Охъ , помню !
 Привель меня Богъ видѣшь злое дѣло ,
 Кровавый грѣхъ . Тогда я въ дальній Угличъ
 На нѣкое былъ усланъ послушанье .
 Пришелъ я въ ночь . На ушро въ часъ обѣдни
 Вдругъ слышу звонъ , — ударили въ набашъ , —
 Крикъ , шумъ . Бѣгутъ на дворъ Царицы . Я
 Слышу тудажъ — а шамъ уже весь городъ —

Гляжу — лежишь зарѣзанный Царевичъ ,
 Царица машь въ безпамятствѣ надъ нимъ ,
 Кормилица въ отчаяннѣ рыдаетъ .
 А шуть народъ , остервенясь , волочишь
 Безбожную предашельницу мамку .
 Вдругъ между ихъ свирѣишь , ошь злости блѣдень ,
 Является Иуда Бишяговскій .
 „Вошь , вошь злодѣй !“ раздаеся общій вопль —
 И вмигъ его не спало . Тутъ народъ
 Въ слѣдъ бросилея бѣжавшимъ премъ убійцамъ .
 Укрывшихся злодѣевъ захвашили
 И привели предъ теплый прупъ младенца ,
 И чудо — вдругъ мертвецъ зашрепешалъ .
 „Покайшеса“ народъ имъ загремѣлъ ,
 И въ ужасъ подъ шопоромъ зодѣи
 Покаялись и назвали Бориса .

Г р и г о р и й .

Какихъ былъ лѣшь Царевичъ убіенный ?

П и м е н ъ .

Да лѣшь семи . Ему бы нынѣ было —
 (Тому прошло ужъ десять лѣшь . . . нѣшь , больше —
 Двѣнадцать лѣшь) онъ былъ бы твоей ровѣсникъ
 И царствовалъ . Но Богъ судилъ иное .

Сей повѣстью плачевной заключу
 Я лѣшопись мою : съ тѣхъ поръ я мало
 Вникалъ въ дѣла мірскія . Братъ Григорій !
 Ты грамошой свой разумъ просвѣшилъ , —
 Тебѣ свой трудъ передаю . Въ часы
 Свободные ошь подвиговъ духовныхъ —
 Описывай , не мудрствуя лукаво ,
 Все то , чему свидѣшель въ жизни будешь :
 Войну и миръ , управу Государей ,

Угодниковъ святыхъ чудеса,
 Пророчества и знаменья небесны.
 А мнѣ пора, пора ужь опдохнуть
 И погасить лампаду. . . . Но звоняшь
 Къ заутрени . . . . . Благослови, Господь,
 Своихъ рабовъ! . . . Подай костыль, Григорій.
 (*уходитъ*)

Г Р И Г О Р І Й.

Борись, Борисъ! Все предъ тобой шрепещешь,
 Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
 О жребіи несчастнаго младенца.
 А между тѣмъ опшельникъ въ темной кельи
 Здѣсь на себя доносъ ужасный пишешь,
 И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
 Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

Александръ Пушкинъ.

